

Александръ Жечаяевъ,

Профессоръ Педагогической Академіи.

ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГИИ

ДЛЯ

ВОСПИТАТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная, 12.

1911.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
Общая задача психологии чувства	212
Основные формы чувства	213
Отношения чувствъ къ представлѣніямъ	216
Основные законы чувствъ	220
Эстетическое чувство и его педагогическое значеніе	237
Психологическая основа нравственныхъ чувствъ	250
Воспитаніе нравственныхъ чувствъ	257
Волевые процессы.	265
Вопросъ о свободѣ воли съ педагогической точки зрѣнія	274
Внушеніе и убѣжденіе, какъ элементы воспитанія	282
Основной ходъ развитія психической жизни въ связи съ главными задачами воспитанія	290
О характерѣ и характеристикахъ	335

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Краткій вопросникъ для руководства воспитателей при составленіи характеристикъ учащихся 343

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Какъ продолжать изученіе психологии (библиографическій указатель) 344

Волевые процессы.

Волевыми процессами называются ряды душевных состояній, обусловливающих дѣйствія и характеризующих не только *предвидѣнiемъ*, но и *хотѣнiемъ* этихъ дѣйствій.

Волевым
процессъ.

Впрочемъ, не всякое движеніе, которому предшествуетъ хотѣнiе, считается вполнѣ произвольнымъ. Наши хотѣнія могутъ быть постоянными и случайными. Они могутъ иногда казаться намъ очень сильными и цѣнными, иногда же—слабыми, безразличными и даже вздорными. Одно дѣло—хотѣть спасти свое честное имя отъ позора, другое—хотѣть получить новыя запонки. Нѣкоторыя хотѣнія остаются у человѣка чрезвычайно долго, иногда всю жизнь; другія быстро мѣняются—съ возрастомъ, обстановкой, настроенiемъ духа. Наблюдая людей, мы обыкновенно можемъ подмѣчать у нихъ такія хотѣнія, которыя являются для нихъ особенно характерными, безъ которыхъ намъ невозможно было бы представить ихъ личность. Развѣ можно, напр., представить себѣ личность Чичикова безъ стремленiя прiобрѣтать, или Наполеона безъ жажды власти?.. Вотъ въ этихъ-то *хотѣнiяхъ*, *характерныхъ* для данной личности, и *проявляется прежде всего воля*. Изъ этого ясно, что произвольными дѣйствіями, въ собственномъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ

назвать такія движенія, которыя *соединяются съ хотѣніями, характерными для личности даннаго человека.*

Изъ сказаннаго видно, что движенія, производимыя человѣкомъ, могутъ имѣть разную психологическую цѣнность. Психофизиологическій процессъ, лежащій въ ихъ основѣ, бываетъ неодинаково сложнымъ. Наболѣе простымъ процессомъ является движеніе, извѣстное подъ именемъ *рефлекса*, болѣе сложнымъ—*обдуманннй поступокъ.*

Рефлексъ.

Мы знаемъ, что чувствительные и двигательные нервы находятся между собой въ тѣсной связи. Эту связь легко установить, изучивъ строеніе спинного и головного мозга. Въ спинномъ мозгу находится рядъ нервныхъ образований (такъ называемыхъ „*корешковъ спинного мозга*“), расположенныхъ отчасти съ передней, отчасти съ задней его стороны. Задніе корешки спинного мозга соединены съ *чувствительными* нервами, а передніе—съ *двигательными*. Задніе и передніе корешки такъ тѣсно соединены между собою, что нервное возбужденіе, возникающее въ первыхъ, легко передается другимъ. Такимъ образомъ, возбужденіе, возникающее въ чувствительныхъ нервахъ, сейчасъ же передается нервамъ двигательнымъ. Вслѣдъ за раздраженіемъ чувствительнаго нерва происходитъ движеніе. Если сѣсть на стулъ, перекинувъ одну ногу на другую, и ударить пальцами подъ колѣнную чашечку перекинутой ноги, то нога сейчасъ же сама собою подпрыгнетъ. Это движеніе будетъ совершенно невольнымъ и непредвидѣннымъ: человекъ производитъ движеніе, совсѣмъ даже не подумавъ о томъ, что надо ему сдѣлать. Подобнаго рода произвольныя движенія, вызванныя непосредственной передачей нервного возбужденія изъ чувственаго центра въ двигательные, называются *отраженными* или *рефлекторными*. Главнымъ органомъ рефлексовъ является спинной мозгъ.

Возбужденіе, получаемое чувствительными нервами, переходитъ въ нервы двигательные далеко не всегда тѣмъ путемъ, какъ мы сейчасъ описали (прямо черезъ корешки спинного мозга). Иногда оно совершаетъ гораздо болѣе сложный путь, переходя въ головной мозгъ, затрагивая его

чувственные центры и передаваясь изъ нихъ въ двигательные центры (см. выше стр. 55). Въ такихъ случаяхъ человекъ, прежде чѣмъ совершить опредѣленное движеніе, переживаетъ цѣлый рядъ душевныхъ состояній. Примѣромъ подобнаго рода случаевъ можетъ служить всякій обдуманый поступокъ. Ко мнѣ приходитъ знакомый съ извѣстіемъ о непріятности, грозящей моему другу. Когда я слушаю рѣчь знакомаго, у меня возбуждаются сначала слуховые центры головного мозга, а затѣмъ и другіе, связанные съ ними. Я сознаю смыслъ воспринимаемыхъ словъ. Эти слова, по ассоціаціи, вызываютъ въ моей памяти цѣлый рядъ образовъ. Я живо представляю себѣ горе, которое ожидаетъ семью моего друга, и самъ начинаю волноваться. Я воображаю себя входящимъ въ комнату своего друга. Я думаю, что надо пойти къ нему. Надо сейчасъ же встать съ мѣста, надѣть шляпу и идти. И вотъ въ то время, когда я сосредоточиваю свое вниманіе на мысли о томъ, что надо *остать* и *идти*, я чувствую, какъ начинаютъ напрягаться мускулы на моихъ ногахъ, какъ начинаетъ выпрямляться все мое туловище. Я испытываю *стремленіе* встать. Представляемое мною движеніе уже начинаетъ совершаться. Въ это время первное возбужденіе изъ чувственныхъ центровъ моего головного мозга начинаетъ переходить въ двигательные центры. Но вдругъ у меня является мысль, что мой внезапный приходъ можетъ налутать семью моего друга, что непріятное извѣстіе нуждается еще въ нѣкоторой провѣркѣ, что лучше поэтому сначала самому съѣздить за справками, а другу сейчасъ же написать письмо. При мысли о письмѣ моя рука невольно тянется къ перу, другая рука беретъ бумагу. Такимъ образомъ, является новое стремленіе, ослабляющее силу стремленія предшествующаго. Но въ то время, какъ я беру въ руки перо, мой знакомый произноситъ: „кажется, вашъ другъ сейчасъ собирался уѣхать изъ города“, Если такъ, то мое письмо не дойдетъ по назначенію! Его не стоитъ писать! Лучше самому сейчасъ же пойти. При этихъ мысляхъ рука оставляетъ перо, и прежнее стремленіе—встать и идти—вновь

приобрѣтаетъ силу. Я *сознаю* это стремленіе и одобряю его. Я признаю его цѣлесообразнымъ. Я *хочу* идти. Все мое вниманіе сосредоточено теперь на мысли о томъ, что надо идти. И я иду.

Въ этомъ процессѣ можно различить цѣлый рядъ отдѣльных моментовъ. Отмѣтимъ главные изъ нихъ:

1) Въ моемъ сознаніи возникаетъ *рядъ представленій и чувствъ*, вызванныхъ полученнымъ извѣстіемъ. Этимъ представленіямъ и чувствамъ соотвѣтствуетъ *рядъ возбужденій въ чувственныхъ центрахъ головного мозга*.

2) Въ связи съ нѣкоторыми представленіями и чувствами у меня возникаютъ *стремленія* къ извѣстнымъ движеніямъ. Въ это время нервное *возбужденіе изъ чувственныхъ центровъ переходитъ въ двигательные*.

3) Сила разныхъ стремленій колеблется. Въ то время, какъ одно стремленіе усиливается, другое слабѣетъ. *Между стремленіями идетъ какъ бы взаимная борьба*. Этой борьбѣ стремленій соотвѣтствуетъ *усиленіе и ослабленіе возбужденій, возникающихъ въ разныхъ двигательныхъ центрахъ* (въ зависимости отъ усиленія и ослабленія возбужденій въ соединенныхъ съ ними чувственныхъ центрахъ).

4) *Одно изъ стремленій получаетъ рѣшительное преобладаніе надъ другими*. Оно оказывается наиболѣе соотвѣтствующимъ тѣмъ представленіямъ и чувствамъ, на которыя въ данный моментъ направлено мое вниманіе. Я *рѣшаюсь* поступить извѣстнымъ образомъ. Этому рѣшенію, съ физиологической стороны, соотвѣтствуетъ *усиленіе возбужденія двигательныхъ центровъ въ одномъ, совершенно опредѣленномъ направленіи*.

5) *Стремленіе переходитъ въ дѣйствіе*. Рѣшеніе приводится въ исполненіе. Нервное *возбужденіе изъ двигательныхъ центровъ распространяется по двигательнымъ нервамъ и вызываетъ сокращеніе мускуловъ*.

Всякое представленіе или чувство, насколько оно является исходнымъ пунктомъ дѣйствія, называется *мотивомъ*. Поэтому можно сказать, что всякое произвольное дѣйствіе предполагаетъ сознаніе мотива. При всякомъ обдуманномъ

поступкѣ предполагается существованіе нѣсколькихъ мотивовъ и сужденіе объ ихъ цѣнности. Борьба противоположныхъ мотивовъ оканчивается рѣшеніемъ, или *выборомъ одного изъ мотивовъ*, на которомъ останавливается вниманіе человека.

Отчего же зависитъ этотъ „выборъ мотивовъ“ или „рѣшеніе?“ Почему изъ нѣсколькихъ противоположныхъ представленій и чувствъ мы останавливаемъ свое вниманіе на одномъ?

Изучая процессы вниманія, мы видѣли, что душевныя явленія могутъ получать особенную силу въ нашемъ сознаніи: 1) вслѣдствіе вліянія условій внѣшняго характера (сильный раздражитель, повторенія) и 2) вслѣдствіе вліянія условій внутренняго характера (отношеніе даннаго представленія или чувства къ интересамъ и настроеніямъ человека).

Изъ этого ясно, что и всякій мотивъ пріобрѣтаетъ особенную силу въ нашемъ сознаніи подъ вліяніемъ причинъ или внѣшняго, или внутренняго характера.

Мы колеблемся, не зная, гдѣ провести сегодняшній вечеръ—дома или въ гостяхъ. Но приглашеніе въ гости повторяется нѣсколько разъ, и мы ему поддаемся. Насъ уговорили. Вотъ примѣръ усиленія мотива вслѣдствіе повторенія. Ребенокъ убѣгаетъ изъ сада, несмотря на то, что его зоветъ къ себѣ няня. Но вотъ раздался громкій голосъ прохожаго „стой“—и ребенокъ остановился. Приказаніе подѣйствовало. Здѣсь мы видимъ господство мотива, связаннаго съ наиболѣе сильнымъ раздражителемъ. Теперь приведемъ примѣръ мотива, получающаго преобладаніе въ сознаніи вслѣдствіе его связи съ наиболѣе устойчивыми интересами и настроеніями человека. Бѣдному чиновнику, находящемуся въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, предлагаютъ крупную взятку. Онъ колеблется и затѣмъ рѣшительно ее отвергаетъ. Честная совѣсть выходитъ побѣдительницей.

Само собою понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстные мотивы могутъ получать господство въ нашемъ

сознаніи сразу подѣ влияніемъ причипъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго характера. Напр., мы можемъ соблюдать извѣстное правило вѣжливости не только потому, что „это принято“ и „всѣ такъ дѣлають“, но и потому, что оно лично намъ нравится, соотвѣтствуетъ нашему взгляду на жизнь и нашему господствующему настроенію.

**Внушеніе и
убѣжденіе.**

Если какое-нибудь дѣйствіе обусловлено мотивами внѣшняго характера, то оно получаетъ названіе *внушеннаго*. Напротивъ, насколько извѣстный поступокъ обусловливается мотивами внутренняго характера, т. е. міровоззрѣніемъ человѣка, его господствующими интересами и настроеніями, можно говорить о дѣйствіи по *убѣжденію*.

Изъ этого видно, что въ основѣ различія дѣйствій по внушенію и убѣжденію лежитъ различіе внѣшняго и внутренняго вниманія. Поддаваться внушенію—значить, прежде всего, переживать состояніе внѣшняго вниманія, отдаваться тѣмъ или другимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Мы поддаемся внушенію, подражая обычаямъ окружающаго насъ общества, повторяя мнѣнія распространенныхъ газетъ, безпрекословно слѣдуя приказаніямъ и совѣтамъ. Поступать по убѣжденію, напротивъ того, значитъ обнаруживать силу внутренняго пониманія. Убѣжденный человѣкъ твердо противостоитъ внѣшнимъ соблазнамъ, помня о своихъ за вѣтныхъ планахъ, боясь нарушить свой идеаль жизни.

Крайнимъ примѣромъ дѣйствій по убѣжденію могутъ служить поступки фанатика, не желающаго обращать вниманія ни на какія обстоятельства жизни, закрывающаго глаза на все, несоотвѣтствующее его міровоззрѣнію.

Крайнимъ примѣромъ дѣйствій по внушенію являются поступки, совершаемые въ состояніи гипноза. Гипнотическое состояніе можно охарактеризовать, какъ состояніе искусственно вызваннаго сна, въ которомъ ослабѣваетъ внутреннее вниманіе человѣка и, напротивъ, очень повышается внѣшнее вниманіе, направленное на слова и дѣйствія гипнотизера. Когда (подѣ влияніемъ нѣкоторыхъ искусственныхъ условій, напр., легкаго поглаживанія, счета, утомленія глазъ, смотрящихъ на блестящій шарикъ, и т. п.)

человѣкъ впадаетъ въ гипнозъ, онъ нерѣдко становится совершенно покорнымъ орудіемъ въ рукахъ гипнотизера. Каждое слово гипнотизера всецѣло завладѣваетъ его вниманіемъ и вызываетъ въ его сознаніи соотвѣтствующіе образы, за которыми сейчасъ же слѣдуютъ опредѣленные дѣйствія. Загипнотизированный самъ перестаетъ судить, его собственные интересы молчатъ. Ему подаютъ пустой стаканъ и говорятъ: „пейте ваше любимое вино“. Онъ сейчасъ же подноситъ стаканъ къ губамъ и производитъ глотательныя движенія, причемъ его лицо выражаетъ живѣйшее удовольствіе. Гипнотизеръ говоритъ: „вотъ бѣшеная собака“, — и загипнотизированный съ ужасомъ раскрываетъ глаза, пѣтится назадъ и взываетъ о помощи.

Въ жизни каждаго нормальнаго человѣка обнаруживается то смѣна, то взаимодѣйствіе внѣшняго и внутренняго вниманія. Соотвѣтственно этому обнаруживается то смѣна, то взаимодѣйствіе внушенія и убѣжденія. Жизнеспособный человѣкъ не можетъ обладать покорностью загипнотизированнаго. У каждаго нормальнаго человѣка должны быть собственные интересы, цѣли и планы, руководящія его поступками и въ извѣстной степени обезпечивающія его самостоятельность. Но, чтобы при этомъ избѣгнуть слѣпоты фанатизма, необходимо умѣть иногда дѣлать центромъ своего вниманія внѣшнія впечатлѣнія, умѣть видѣть, слушать, вообще наблюдать.

Когда эти внѣшнія впечатлѣнія, становясь мотивами дѣйствій, сопоставляются съ другими мотивами, заключенными въ убѣжденіяхъ человѣка, то въ результатѣ получается рѣшеніе, которое обыкновенно называется не только „обдуманнмъ“, но и „объективнмъ“.

Если, совершая какой-нибудь поступокъ, человѣкъ чувствуетъ, что дѣйствуетъ согласно своимъ убѣжденіямъ, что мотивы поступка соотвѣтствуютъ его наиболѣе прочнымъ интересамъ и настроеніямъ, его нравственному пониманію, или „совѣсти“, то этотъ поступокъ называется *нравственно свободнымъ*.

Нравствен-
ная свобода

Напротивъ, если поступокъ обусловленъ мотивами,

внушенными и притомъ противорѣчащими нравственнымъ убѣжденіямъ человѣка, то его называютъ *вынужденнымъ*.

Отъ какихъ же условій зависить нравственная свобода человѣка? И при какихъ обстоятельствахъ легче всего она теряется.

Прежде всего ясно, что поступать по убѣжденіямъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ ихъ. Такимъ образомъ, первымъ условіемъ нравственной свободы является наличность извѣстнаго нравственнаго міропониманія. Для того, чтобы обладать имъ, надо имѣть опредѣленную степень умственнаго развитія, запасъ нѣкоторыхъ знаній, способность къ широкимъ обобщеніямъ и сужденіямъ. Поэтому нельзя говорить о нравственномъ міропониманіи идиотовъ, слабоумныхъ или маленькихъ дѣтей. Нельзя говорить, поэтому, и о нравственной свободѣ ихъ. Такія лица *со слабой степенью умственнаго развитія* справедливо признаются неотвѣтственными за свои дѣйствія или *нравственно невмѣняемыми*.

Нравственно невмѣняемымъ становится человѣкъ и тогда, когда, обладая извѣстнымъ нравственнымъ пониманіемъ, онъ все-таки (въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ) становится неспособнымъ пользоваться имъ. Человѣкъ, самъ по себѣ не слабоумный, вдругъ начинаетъ на нѣкоторое время жить душевной жизнью слабоумнаго: онъ теряетъ способность припоминать, рассуждать, легко поддается первому сильному внушенію. Отчего же можетъ на время пропадать нашъ разумъ? Подъ вліяніемъ какихъ условій могутъ до такой степени понижаться умственные способности нормальнаго человѣка?

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить вліяніе на душевную жизнь *сильныхъ чувствъ*. Человѣкъ, охваченный ужасомъ, совершенно не въ состояніи владѣть собою. Онъ не можетъ вспомнить, что слѣдуетъ дѣлать; слова не приходятъ къ нему на языкъ. При меньшихъ степеняхъ страха человѣкъ испытываетъ какую-то внутреннюю растерянность, ему трудно сосредоточиться, собрать свои мысли. Его заставляетъ оборачиваться каждый шорохъ, каждый окрикъ. Онъ легко поддается внушенію. Въ такомъ состояніи легко

Дѣйствія
подъ влія-
ніемъ аф-
фекта.

бываетъ завладѣть имъ и приказать поступать даже противъ его совѣсти.

Способность обсуждать мотивы своихъ поступковъ замѣтно понижается и при многихъ другихъ порывахъ сильнаго чувства. Кому неизвѣстны нерѣшительность и легкомысліе въ поступкахъ людей, пораженныхъ горемъ! Кто не знаетъ, какъ много несогласнаго съ требованіями своей собственной совѣсти способны бываютъ совершить люди въ порывахъ гнѣва!

Сильные порывы чувства, всецѣло завладѣвая нашей душевной жизнью, не даютъ возможности оцѣнить, какъ слѣдуетъ, мотивы дѣйствій, и поступокъ является, поэтому, иногда совсѣмъ несоотвѣтствующимъ истиннымъ убѣжденіямъ человѣка. Иначе говоря, *сильные порывы чувства, или аффекты*, являются неблагоприятными условіями для проявленія нравственной свободы. Поэтому и уголовные законы даютъ снисхожденіе людямъ, совершившимъ преступленіе въ состояніи аффекта (гнѣва, отчаянія, страха и т. п.).

Для того, чтобы наши убѣжденія могли переходить въ дѣйствія, чтобы наши лучшіе планы исполнялись, не нарушаясь другими, случайными мотивами, необходимо умѣть сосредоточивать на нихъ свое *вниманіе*, *помнить* о нихъ. Отсюда ясно, что если подъ вліяніемъ нервного истощенія начнетъ ослабѣвать дѣятельность памяти и вниманія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, станетъ слабѣть и наша способность проводить въ дѣйствія свои убѣжденія. Внутренніе мотивы начнутъ уступать свою силу внѣшнимъ. Человѣкъ станетъ легче поддаваться всевозможнымъ внушеніямъ. Усталому, истощенному человѣку трудно спорить и противиться чужой волѣ. Его легко уговорить и заставить повиноваться. Онъ легко забываетъ свои завѣтные планы и отдается окружающимъ соблазнамъ. Усталые люди—бесвольные люди.

Чрезмѣрный трудъ, болѣзнь, голодь, недостаточный сонъ, истощающіе пороки, отравленіе алкоголемъ—все это условія, развивающія въ человѣкѣ податливость внушенію, на счетъ развитія собственной воли.

Дѣйствія въ состояніи нервного истощенія.

Изъ предшествующаго видно, что все, способствующее преобладанію внутренняго вниманія надъ внѣшнимъ, является условіемъ, благопріятнымъ для развитія нравственной свободы, а все, способствующее преобладанію внѣшняго вниманія надъ внутреннимъ, благопріятствуетъ развитію въ человѣкѣ податливости внушенію.

Дѣйствія въ толпѣ.

Чрезвычайно благопріятнымъ обстоятельствомъ для усиленія внѣшняго вниманія служитъ *нахождение въ толпѣ*, захваченной однимъ настроеніемъ. Вы непрерывно подвергаетесь дѣйствию цѣлаго ряда однородныхъ раздражителей—слышите крики, плачь, видите отчаянныя лица, безпорядочныя жесты. Все напоминаетъ вамъ объ ужасѣ. Все направляетъ ваше вниманіе въ одну сторону. Сила отдѣльныхъ раздражителей, суммируясь и разрастаясь, начинаетъ всецѣло господствовать надъ вашей душевной жизнью. Вы сами поддаетесь страху, сами живете жизнью толпы.

Вопросъ о свободѣ воли съ педагогической точки зрѣнія.

Нерѣдко высказывается мнѣніе, будто представленія и чувства являются въ состояніи хотѣнія только, такъ сказать, сырымъ матеріаломъ, надъ которымъ оперируетъ „воля“. „Воля“ управляетъ этими представленіями и чувствами. Она то „хочетъ“, то „отвергаетъ“ ихъ.

Пониманіе воли, какъ чего-то стоящаго надъ всеми представленіями и чувствами, чего-то управляющаго ими и дѣлающаго между ними свободный выборъ, съ особенной силой было выдвинуто въ психологіи въ началѣ первыхъ вѣковъ христіанства, подъ вліяніемъ моральной философіи. Христіанскіе апологеты, въ противоположность фанатизму стоиковъ и нравственному безразличію эпикурейцевъ, указывали на присущее человѣку начало самодѣятельности. Затѣмъ цѣлый рядъ морализирующихъ психологовъ (начи-

ная отъ Тертуліана и кончая хотя бы Гамильтономъ) отстаивалъ принципъ свободной воли человѣка.

Вопросъ о свободѣ воли часто заставлялъ задумываться педагоговъ. К. Д. Ушинскій посвятилъ ему не мало страницъ въ своемъ сочиненіи „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Почему же этотъ вопросъ для практиковъ воспитанія представляется такимъ важнымъ? Какія педагогическія думы и сомнѣнія невольнo съ ними связываются? Какія практическія соображенія невольнo заставляютъ многихъ педагоговъ склоняться къ отставанію свободной воли и какія—говорятъ противъ этого?

Понятіе „свободной воли“ въ сознаніи многихъ отождествляется съ понятіемъ „дѣйствующей личности“. Отрицать свободу воли—значитъ, съ этой точки зрѣнія, отказаться отъ признанія нравственной отвѣтственности людей, отъ воспитанія дѣятельной личности человѣка, утратить вѣру въ силу нравственныхъ идеаловъ. Эти соображенія заставляютъ цѣпляться за понятіе „свободной воли“ и считаютъ необходимымъ признать въ душевной жизни какое-то особое „волевое“ начало, изъятае изъ общей цѣпи закономерныхъ, съ неизбѣжной необходимостью происходящихъ явленій.

Съ другой стороны, и признаніе „свободной воли“ представляется какъ будто несомвѣстимымъ съ самой идеей воспитанія. Если у человѣка есть свободная воля, въ смыслѣ чего-то изъятаго изъ общей закономерности психическихъ явленій, то возможно ли вѣрить въ силу воспитанія? Возможно-ли планомѣрно воздѣйствовать на чужую „свободную“ волю?

Всѣ подобнаго рода педагогическія соображенія въ пользу и противъ признанія свободы воли держатся на явныхъ недоразумѣніяхъ, на смѣшеніи разныхъ понятій. Причина этого—большая неопредѣленность термина „свобода воли“. Для уясненія дѣла, громоздкій вопросъ о свободѣ воли (насколько онъ можетъ интересоваться насъ съ педагогической точки зрѣнія) удобнѣе всего разбить на рядъ болѣе частныхъ, связанныхъ съ нимъ, вопросовъ.

Итакъ:

1) Допустима-ли свободная воля въ смыслѣ начала, нарушающаго общую закономерность психическихъ явленій?

На этотъ вопросъ, конечно, мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Въ природѣ нѣтъ ничего незаконномѣрнаго, и самое существованіе психологіи, какъ науки, изучающей законы душевныхъ явленій, предполагаетъ это.

2) Допустима-ли свободная воля—въ смыслѣ психологической самодѣятельности? Можно ли говорить о свободѣ воли, какъ силѣ нравственныхъ идеаловъ?

Несомнѣнно, что между человѣческими дѣйствіями приходится различать, во-первыхъ, такія, при которыхъ люди находятся въ полной зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній, и, во-вторыхъ, такія, которыми руководитъ прочное убѣжденіе, развитое, выношенное чувство. Насколько существуетъ разница между внутреннимъ и внѣшнимъ вниманіемъ, настолько-же мы вправѣ говорить, съ одной стороны, о самодѣятельности, съ другой,—о внушенныхъ поступкахъ. И если вспомнить, какое важное значеніе имѣетъ внутреннее вниманіе во всѣхъ процессахъ психической жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ понятной та сила, которой обладаютъ всѣ чувства и представленія, опредѣляющія нравственные идеалы человѣка, координирующія содержаніе его душевнаго міра и, такимъ образомъ, создающія почву для внутренняго вниманія. Сила нравственныхъ идеаловъ—сила развитого внутренняго вниманія.

3) Возможно-ли допустить свободу воли—въ смыслѣ признанія отвѣтственности за „свободно совершенные“ поступки?

Этотъ вопросъ прежде всего можно понять такъ: сознаютъ-ли люди, что нѣкоторые ихъ поступки (а именно тѣ, которые опредѣляются работой ихъ устойчиваго внутренняго вниманія) составляютъ выраженіе ихъ собственной личности, принадлежатъ *имъ*, характеризуютъ *ихъ собственныи* душевный міръ? Цѣлый рядъ повседневныхъ наблюденій заставляетъ насъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Обдумавъ, облюбовавъ извѣстное рѣшеніе и за-

тѣмъ приведя его въ исполненіе, мы это рѣшеніе считаемъ своимъ, находимъ его соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ, чувствамъ, всему нашему міропониманію, — и въ этомъ смыслѣ признаемъ себя отвѣтственными за нихъ: мы соглашаемся съ тѣмъ, что одобреніе или неодобреніе даннаго поступка, совершеннаго нами, является въ то же время одобреніемъ или неодобреніемъ тѣхъ представленій и чувствъ, которыя характеризуютъ нашу личность.

Подобнымъ же образомъ можно поставить вопросъ объ отвѣтственности и съ объективной точки зрѣнія, со стороны наблюдателя чужого поступка. Наблюдаемая нами дѣйствія другихъ людей имѣютъ въ нашихъ глазахъ тоже не одинаковую цѣнность. Одни поступки мы рассматриваемъ, какъ вызванные извѣстными внѣшними вліяніями, силою обстоятельствъ, принужденіемъ, совѣтами—вообще всякими внушеніями; въ другихъ поступкахъ мы видимъ, прежде всего, обнаруженіе общихъ, наиболѣе устойчивыхъ особенностей психическаго міра даннаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что виною однихъ поступковъ человѣка мы признаемъ внѣшнія обстоятельства, а виною другихъ—его самого, его собственную личность. Въ одномъ случаѣ, ставя вопросъ о причинѣ (винѣ) поступка, мы ищемъ *опыта* на этотъ вопросъ въ тѣхъ душевныхъ особенностяхъ, которыя характеризуютъ личность человѣка, въ другомъ случаѣ—въ этихъ самыхъ душевныхъ особенностяхъ. Другими словами, въ одномъ случаѣ отвѣтственность падаетъ на внѣшнія обстоятельства, въ другомъ—на самого человѣка.

Но какъ же можно, спросить кто-нибудь, возлагать на человѣка отвѣтственность за его поступки, когда весь его душевный міръ подлежитъ строгой законѣрности, когда весь строй его личности является результатомъ дѣйствія неизбѣжныхъ психофизическихъ законовъ? Какъ можно награждать или карать человѣка за то, что въ немъ является отраженіемъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе отдаленныхъ причинъ?

Здѣсь понятіе отвѣтственности смѣшивается съ понятіемъ наказуемости.

Къ вопросу о наказаніяхъ, какъ извѣстно, можно подходить съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, наказаніе можно разсматривать какъ извѣстный актъ мести виновнику преступленія, какъ выраженіе личнаго или общественнаго негодованія по отношенію къ причинѣ даннаго нежелательнаго явленія. Во-вторыхъ, наказаніе можетъ разсматриваться только какъ средство исправленія личности, какъ способъ удержанія человѣка отъ извѣстнаго образа дѣйствія.

Признавая строгую закономерность всей душевной жизни, мы прежде всего должны отказаться отъ допущенія въ педагогическое міровоззрѣніе понятія наказанія въ смыслѣ мести виновнику преступленія. Каждое человѣческое дѣйствіе обусловлено цѣлымъ рядомъ сложныхъ причинъ, и доискаться до *истинныхъ, послѣднихъ* виновниковъ, подлежащихъ мщенью, намъ никогда не удастся; а если-бы и удалось, то они во всякомъ случаѣ оказались-бы внѣ сферы педагогическихъ каръ.

Итакъ, намъ остается только разсмотрѣть, съ точки зрѣнія педагогической психологіи, понятіе наказанія—въ смыслѣ средства исправленія личности.

Взятое въ этомъ смыслѣ, понятіе наказанія не противорѣчитъ ни признанію общей закономерности психической жизни, ни понятію личной отвѣтственности. Мы признаемъ, что извѣстный (не желательный намъ) поступокъ обусловленъ длинною цѣпью причинъ. Въ то же время мы признаемъ, что ближайшимъ звеномъ этой цѣпи являются тѣ устойчивыя представленія и чувства, которыя характеризуютъ личность человѣка, совершившаго данный поступокъ. Желая предотвратить повтореніе подобныхъ проступковъ и вѣря въ закономерность психическихъ явленій, мы начинаемъ подвергать эту личность тѣмъ или другимъ воздѣйствіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны подъ именемъ „наказаній“.

Слово „наказаніе“ въ педагогикѣ, какъ извѣстно, обозначаетъ очень различныя мѣры воздѣйствія на воспитанника—отъ легкаго измѣненія въ тонѣ голоса при разговорѣ съ нимъ до побоевъ включительно. Въ инструкціи

профессора Рейна для учителей—участниковъ университетскаго педагогическаго семинарія въ Іенѣ ¹⁾ признаются допустимыми въ образцовой школѣ слѣдующія наказанія: 1) пристальный взглядъ на ученика, 2) знакъ пальцемъ по направленію къ виновному, 3) призывъ, угроза, 4) постановка у стѣны въ классѣ или у наружной двери класса, 5) строгій выговоръ и 6) тѣлесное наказаніе.

Разумѣется, между признаніемъ всѣхъ этихъ наказаній цѣлесообразными и огульнымъ отказомъ отъ всякихъ мѣръ воздѣйствія на воспитанника, извѣстнымъ подъ именемъ наказаній, есть большая разница. Психологія наказаній (принимаемыхъ въ данномъ случаѣ не въ смыслѣ актовъ мести) очень сложна. И разобраться въ ея основахъ будетъ удобнѣе всего, выяснивъ общій вопросъ о внушеніи и убѣжденіи, какъ элементахъ воспитанія воли. Теперь же мы должны возвратиться къ разбору того вопроса, который былъ поставленъ вначалѣ: *есть-ли въ состояніи хотѣнія что-нибудь такое, что не подходило-бы подъ понятіе представленій и чувствъ? или въ этомъ состояніи, кромѣ представленій и чувствъ, обнаруживаются еще какіе-нибудь особые элементы „воли“?*

Мы видѣли, что стремленіе признавать въ состояніяхъ хотѣнія, кромѣ представленій и чувствъ, особые „элементы воли“ можетъ находиться въ связи съ ученіемъ о свободной волѣ, какъ началѣ, возвышающемся надъ представленіями и чувствами.

Если устранить изъ понятія свободной воли метафизическія предпосылки, то „свободная воля“ будетъ обозначать личность, насколько она проявляется въ дѣйствіяхъ. Но, разбирая отдѣльныя дѣйствія человѣка, вдумываясь въ особенности психическихъ состояній, предшествующихъ и сопутствующихъ имъ, мы постоянно встрѣчаемся лишь съ своеобразными комбинаціями тѣхъ душевныхъ явленій, которыя называются представленіями и чувствами. Особыхъ

¹⁾ Ordnung des pädagogischen Universitäts-Seminars zu Iena und seiner Übungsschule. Crp. 23.

простыхъ психическихъ состояній, которыя можно было бы, противопоставляя чувствамъ и представленіямъ, обозначить именемъ чисто-волевыхъ элементовъ, тщательный психологическій анализъ не обнаруживаетъ.

Спеціальными элементами волевыхъ процессовъ обыкновенно признаются „стремленія“ и „хотѣнія“. Выше было показано, что „хотѣніе“ представляетъ собою болѣе сложный процессъ, чѣмъ „стремленіе“. Въ понятіи хотѣнія уже предполагается стремленіе. Хотѣть чего-нибудь—значитъ не только стремиться къ этому, но и *осуществлять* это стремленіе, какъ соответствующее представленіямъ и чувствамъ, господствующимъ въ сознаніи. Такимъ образомъ, въ составъ каждаго хотѣнія, какъ психическаго процесса, входитъ оцѣнка, т. е. сужденіе,—и только наличностью этого сужденія хотѣніе отличается отъ простаго стремленія.

Но что же такое—стремленіе? Возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Ребенокъ стремится влѣзть на высокій стулъ. Ему еще не удалось исполнить того, чего онъ хочетъ. Онъ только *начинаетъ* производить движенія, которыя составляютъ цѣль его хотѣній. Здѣсь стремленіе является, съ объективной точки зрѣнія, лишь недоконченнымъ, неразвившимся движеніемъ. Въ другихъ случаяхъ это отношеніе стремленія къ послѣдующимъ, ясно опредѣлявшимся движеніямъ оказывается менѣе замѣтнымъ. Владѣющій собою человекъ получаетъ оскорбленіе. У него при этомъ является невольное стремленіе ударить обидчика. Мускулы рукъ напрягаются, пальцы сжимаются въ кулакъ. Но возникшее движеніе не развивается, задерживается въ самомъ началѣ. И только очень внимательный посторонній наблюдатель можетъ его подмѣтить. Возьмемъ еще болѣе тонкій случай. Мы слушаемъ чужую рѣчь и при этомъ испытываемъ стремленіе вставить собственное замѣчаніе. Это стремленіе не осуществляется. Мы все время молчимъ. Движеніе нашихъ органовъ рѣчи совсѣмъ не замѣтно. Для объективнаго наблюдателя (даже очень внимательнаго) мы остаемся все время совершенно спокойными, неподвижными. Но въ то время,

когда мы испытываемъ „стремленіе говорить“, движенія нашихъ органовъ рѣчи все-таки происходятъ: мы ихъ ощущаемъ, сознаемъ напряженія языка, голосовыхъ связокъ, измѣненія въ движеніи грудной клѣтки и проч.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что физиологическимъ коррелятомъ стремленія надо признавать начинающееся, неразвившееся движеніе. Движенія сознаются нами въ формѣ такъ называемыхъ двигательныхъ или мускульныхъ ощущенийъ. Такимъ образомъ, всякое стремленіе, съ психологической точки зрѣнія, прежде всего должно быть охарактеризовано наличностью мускульныхъ ощущенийъ. Эти мускульныя ощущенія, подобно другимъ, сопровождаются опредѣленными оттѣнками чувства („чувственнымъ тономъ“), изъ которыхъ яснѣе всего сознается чувство напряженія. Вотъ почему чувство напряженія, усиленія, считается обыкновенно существеннымъ признакомъ волевыхъ процессовъ.

Разбирая психо-физиологическія условія тѣхъ движеній, которыя лежатъ въ основѣ стремленій, какъ элементовъ волевого процесса, мы прежде всего должны вспомнить ту тѣсную физиологическую связь, которая существуетъ между такъ называемыми двигательными и чувственными центрами нервной системы. Возбужденія, возникающія въ двигательныхъ центрахъ, часто имѣютъ своимъ источникомъ возбужденія тѣхъ чувственныхъ центровъ, которые служатъ органами сознанія различныхъ представленій и чувствъ. Отсюда становится понятной тѣсная ассоціація, постоянно обнаруживающаяся между мускульными чувствами, характеризующими наши „стремленія“, и всевозможными другими, болѣе сложными, чувствами и представленіями. „Стремясь“ къ чему-нибудь, мы обыкновенно болѣе или менѣе ясно представляемъ предметъ своихъ стремленій и сознаемъ различные аффекты (гнѣвъ, радость, испугъ и т. п.), захватившіе насъ и органически связанные съ нашими „стремленіями“.

Итакъ, въ заключеніе мы должны придти къ тому же выводу, къ которому приходится, между прочимъ, профес-

соръ Ціанъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Leitfaden der physiologischen Psychologie“¹⁾: анализъ волевыхъ процессовъ не даетъ никакихъ поводовъ къ признанію особой способности воли, которая обнаруживалась бы въ особыхъ „волевыхъ“ элементахъ психической жизни, отличныхъ отъ представленій и чувствъ.

О характерѣ и характеристикахъ.

Основная цѣль воспитанія—развитіе цѣльной, здоровой личности. Основныя средства воспитанія—въ умѣньи по-

¹⁾ Проф. Г. В. Хлопкинъ. Самоубійства, покушенія на самоубійствѣ и несчастные случаи среди учащихся русскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1906.

нять истинныя потребности и степень развитія личности воспитанника въ данный моментъ.

Отсюда само собою ясно, какъ важно, съ педагогической точки зрѣнія, изученіе личности того, кто воспитывается.

Характеръ.

Личность человѣка, насколько она проявляется въ его дѣйствіяхъ, называется *характеромъ*. „Охарактеризовать“ человѣка—значитъ, наблюдая его дѣйствія, описать его интересы, господствующія настроенія и наклонности.

Ученые съ давнихъ поръ стремились выяснить различія людей по ихъ характерамъ и объяснить, отъ чего эти различія происходятъ. Въ настоящее время психологическія изслѣдованія, посвященныя вопросу о характерахъ, нерѣдко обозначаются особымъ именемъ „характерологія“¹⁾.

Характеръ человѣка опредѣляется, во-первыхъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ особенностей его организма и, во-вторыхъ, отъ вліянія окружающей среды (т. е. суммы всѣхъ воздѣйствующихъ раздражителей). Физиологическая основа характера называется темпераментомъ.

Темпераментъ.

Ученіе о темпераментахъ восходитъ къ очень древнимъ временамъ. Его начало лежитъ еще въ древне-греческой медицинѣ. Древне-греческіе медики пытались выяснить, отчего разные люди бываютъ не въ одинаковой степени наклонны къ заболѣванію тѣми или другими болѣзнями. Рѣшая этотъ вопросъ, они указывали, что въ тѣлѣ разныхъ людей находится неодинаковое количество четырехъ на-

¹⁾ Изъ литературы по характерологіи на русскомъ языкѣ слѣдуетъ въ особенности отмѣтить книгу *А. Ф. Лазурскаго*—„Очеркъ науки о характерахъ“ (Спб., 1906, 2-е изд. 1908), а также *Вэна*—„Объ изученіи характера“ (Спб., 1866), *Г. И. Россолимо*—„Планъ изслѣдованія дѣтской души“ (М., 1906) и „Психологическіе профили“ (СПБ., 1910), *Н. Е. Румянцова*—„Экспериментальное изслѣдованіе личности“ (Спб., 1907). Изъ иностранныхъ сочиненій существенное значеніе имѣютъ: *W. Stern*, Über Psychologie der individuellen Differenzen, Leipzig, 1900 (и слѣд. изд.); *A. Binet*, L'étude expérimentale de l'intelligence, Paris, 1903; *psychologische Arbeiten*, herausg. von *Kraepelin*; *Zeitschrift für angewandte Psychologie und psychologische Sammelforschung*, herausg. von *William Stern* und *Otto Lipmann*, съ 1907 г. (ранѣе: Beiträge zur Psychologie der Aussage).

полняющихъ его жидкостей—*крови, лимфы, черной желчи и желтой желчи*. Смотря по тому, какая изъ этихъ жидкостей преобладаетъ въ тѣлѣ, человѣкъ причислялся къ одному изъ четырехъ темпераментовъ—кровяному (*сангвиническому*), лимфатическому (*флегматическому*), черножелчному (*меланхолическому*) или желтожелчному (*холерическому*). Основываясь на этомъ медицинскомъ ученіи о темпераментахъ, древне-греческіе психологи старались объяснить различіе человѣческихъ характеровъ. Они указывали, напр., что люди съ преобладающимъ количествомъ крови (сангвиники) оказываются болѣе веселыми, рѣшительными и впечатлительными, чѣмъ тѣ, у которыхъ преобладаетъ лимфа (флегматики), и т. д.

Но по мѣрѣ того, какъ развивались фізіологія и медицина, старое ученіе о темпераментахъ теряло свой смыслъ. Мы знаемъ, что теперь, говоря о фізіологической основѣ душевныхъ явленій, приходится обращать главное вниманіе на нервную систему и ея возбудимость. У однихъ нервная система возбуждается медленно, у другихъ—быстро, у однихъ—поверхностно, у другихъ—глубоко. Съ этой точки зрѣнія, Вундтъ различаетъ четыре главныхъ типа людей, у которыхъ нервная система возбуждается: 1) быстро и глубоко, 2) быстро и поверхностно, 3) медленно и глубоко и 4) медленно и поверхностно.

Эти четыре типа Вундтъ, слѣдуя старой традиціи, называетъ темпераментами: *холерическимъ* (быстрое и глубокое возбужденіе), *сангвиническимъ* (быстрое и поверхностное возбужденіе), *меланхолическимъ* (медленное и глубокое возбужденіе) и *флегматическимъ* (медленное и поверхностное возбужденіе).

Легко показать, что эти особенности темпераментовъ должны отражаться на вниманіи и волѣ людей. Вниманіе сангвиниковъ и флегматиковъ менѣе устойчиво, чѣмъ вниманіе холериковъ и меланхоликовъ.

Сангвиники дѣйствуютъ нерѣдко быстрѣе холериковъ, но зато въ ихъ поступкахъ болѣе сказывается внушающее вліяніе окружающей среды.

Въ области чувства вліяніе темперамента тоже обнаруживается очень ясно. Разнаго рода душевныя волненія (аффекты) протекають не съ одинаковой быстротой и силой. Бываютъ аффекты, которые развиваются быстро и сильно (напр., гнѣвъ). Напротивъ, другія душевныя волненія (напр., грусть) проявляются медленно и сравнительно слабо. Поэтому, людямъ одного темперамента оказываются болѣе свойственны одни аффекты, а другимъ— другіе. Трудно вызвать гнѣвъ флегматика или заставить грустить сангвиника.

Наслѣдствен-
ность.

Рождаясь на свѣтъ, человѣкъ получаетъ тѣло съ своеобразной нервной системой, которая до извѣстной степени уже предопредѣляетъ особенности его будущей душевной жизни. Разные чувственные и двигательные центры нервной системы оказываются у него уже *отъ природы* неодинаково возбудимыми. Передача нервныхъ возбужденій изъ однихъ нервныхъ центровъ къ другимъ совершается не съ одинаковой легкостью. Эти особенности тѣлесной организаціи человѣка (въ зависимости отъ которыхъ будутъ находиться проявленія его душевной жизни) въ значительной степени обусловливаются особенностями организаціи его предковъ. Предшествующій опытъ оказываетъ вліяніе на послѣдующій. Нервные пути, по которымъ много разъ прошло нервное возбужденіе, становятся болѣе „проторенными“, легче возбудимыми. Многія привычки, пріобрѣтенныя предками, передаются потомкамъ. Этимъ объясняется, что, подъ вліяніемъ извѣстныхъ раздражителей, мы испытываемъ иногда неудержимое стремленіе къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ. Очевидно, извѣстнаго рода нервные пути оказываются у насъ *отъ природы* особенно возбудимыми.

Инстинкты.

Подобнаго рода стремленія, объясняемая природными особенностями нашего организма, называются *инстинктами* (т. е. врожденными стремленіями). Какъ извѣстно, такіе инстинктивныя движенія обнаруживаются очень рано и часто съ большою силою. Не всѣ они, съ педагогической точки зрѣнія, оказываются равноцѣнными.

Несомнѣнно, въ глубинѣ человѣческой природы кроется много здоровыхъ инстинктовъ, слѣдуя которымъ люди сохраняютъ и совершенствуютъ существованіе своего рода. Но несомнѣнно также, что въ нашей натурѣ не мало сохраняется остатковъ прежнихъ, дикихъ состояній человѣчества. Въ каждомъ изъ насъ, на ряду съ истинно-человѣческими, высокими стремленіями, живутъ порывы звѣря. И нерѣдко между основными цѣлями нравственнаго самовоспитанія и голосомъ нѣкоторыхъ инстинктовъ начинается та борьба, которую такъ ярко описалъ еще апостоль Павелъ: „по внутреннему человѣку, нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Римл., VII, 22—23).

Насколько же въ этой нравственной борьбѣ можетъ помочь человѣку воспитаніе? Насколько силѣ природныхъ инстинктовъ можетъ быть противопоставлена сила окружающей, воспитательной среды?

Задачи воспитания.

Здѣсь мы сталкиваемся съ большимъ принципиальнымъ вопросомъ — объ отношеніи воспитанія къ наслѣдственности.

Какъ извѣстно, проблема наслѣдственности стала предметомъ научныхъ изслѣдованій сравнительно въ недавнее время. Поэтому немудрено, что у старыхъ педагоговъ (какъ, напр., Амосъ Коменскій и Локкъ) чувствуется вѣра почти въ безпредѣльную силу воспитанія. „Я утверждаю, — говоритъ Локкъ, — что изъ окружающихъ насъ людей 90% дѣлаются такими, какими они есть, хорошими или дурными, полезными или негодными, только благодаря полученному ими воспитанію“ („Мысли о воспитаніи“, § 1). Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ряда работъ, выяснившихъ громадное значеніе наслѣдственности въ психической жизни ¹⁾,

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, рядъ фактовъ, относящихся къ этому вопросу.

Профессоръ Деппе изслѣдовалъ потомковъ 10 семействъ, у которыхъ отецъ, а отчасти и отдаленные предки были пьяницами, и, кромѣ того, потомковъ другихъ 10 семействъ, родоначальники которыхъ не

въ педагогическихъ сочиненіяхъ слышится въ этомъ отношеніи уже менѣе рѣшительный тонъ.

Не вдаваясь въ подробности современныхъ ученій о наслѣдственности, очень важно, съ педагогической точки зрѣнія, отмѣтить слѣдующія положенія:

1) по наслѣдству передаются только склонности къ извѣстнымъ душевнымъ переживаніямъ, а не цѣлые характеры;

2) простые навыки наслѣдуются чаще, чѣмъ сложные таланты ¹⁾.

На ряду съ вліяніемъ наслѣдственности, сильно обнаруживается на развитіи психической жизни вліяніе среды. И если изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ выяснили громадную силу наслѣдственности, то въ послѣдніе же годы не менѣе ясно выступила передъ учеными грандіозная сила внушенія. Подъ вліяніемъ внушенной человѣкъ способенъ нерѣдко забыть свои собственные интересы, бросить зако-

отличаясь аскетизмомъ, все же вели трезвую жизнь. При этомъ оказалось, что:

	Семейства пьяницъ.	Семейства трезвыхъ.
Имѣли дѣтей всего	57	61
Изъ нихъ:		
Развивались нормально	9	50
Умерло отъ слабости и желудочн. бо- лѣзней вскорѣ послѣ рожденія. 12	12	5
Имѣли физическіе недостатки	8	2
Страдали судорогами, эпилепсіей, пля- ской св. Вита, глухотой	20	2
Были идиотами	8	—

По изслѣдованіямъ д-ра Касселя, произведенными надъ отсталыми учениками берлинскихъ школъ, оказалось, что причинами умственной отсталости было: наслѣдственная нервная неуравновѣшенность (18%), пьянство родителей (29%), сифилисъ (6%), рахитъ (42%), судороги въ первые годы жизни (14%).

Въ первыхъ трехъ случаяхъ (53%!) ясно сказывается вліяніе наслѣдственности.

¹⁾ По изслѣдованіямъ Гальтона, изъ 57 поэтовъ только 8 могутъ быть признаны наслѣдовавшими свой поэтический талантъ отъ предковъ. У математиковъ, механиковъ, музыкантовъ и скульпторовъ наслѣдованіе таланта наблюдается несравненно чаще.

ренбля привычки, возродиться духомъ¹⁾. Между вліаніями наслѣдственности и вліаніемъ внушеній идетъ постоянное взаимодействіе. Внушеніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно соотвѣтствуетъ наслѣдственнымъ предрасположеніямъ. Такимъ образомъ, задачи воспитанія облегчаются и затрудняются въ зависимости отъ данныхъ наслѣдственности. Въ природѣ воспитанника заключаются главныя препятствія къ воспитанію, но въ ней же должны мы искать и основы для педагогическихъ успѣховъ. Надо приложить всё усилія къ тому, чтобы понять не только слабыя, но и сильныя стороны психики своего воспитанника. На этихъ-то сильныхъ, нравственно здоровыхъ сторонахъ душевной природы дѣтей и надо строить воспитаніе. Видя основную задачу воспитанія въ созданіи крѣпкой и цѣльной личности, мы должны прежде всего отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ здоровыхъ задаткахъ психической жизни своихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ впоследствии можетъ вырасти эта цѣльная, здоровая личность. Чѣмъ больше будутъ развиваться эти здоровые задатки, тѣмъ меньше станутъ обнаруживаться другія, невыгодныя стороны наслѣдственности. Подобно тому, какъ сильные молодые побѣги лишаютъ солнца и заставляютъ погибать сорныя травы, такъ и развитіе сильныхъ, здоровыхъ, истинно-человѣческихъ инстинктовъ заставитъ стихнуть влеченія звѣря. Итакъ, будемъ прежде всего помнить о *положительныхъ* задачахъ воспитанія. Направимъ прежде всего свое вниманіе на то, чтобы дать возможность развиться въ человѣкѣ всему истинно-человѣческому, что уже въ немъ есть. Пускай на первомъ планѣ будетъ у насъ *не мысль о борьбѣ* противъ того, что есть въ нашихъ воспитанникахъ дурного, *но мысль о помощи* тому, что есть въ нихъ хорошаго. Пускай чаще вспоминается воспитателю, размышляющему надъ своими педагогическими задачами, проникнутой великимъ психологическимъ смысломъ завѣтъ Некрасова:

¹⁾ Примѣры см.: В. Белтеревъ, Внушеніе и его роль въ общественной жизни, 1904; В. Вундтъ, Гипнотизмъ и внушеніе, 1892; Сидисъ, Психологія внушенія, 1902; Тома, Внушеніе и его роль въ воспитаніи, 1896; Д. А. Дриль, Этюды по педагогической психологій, 1907.

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
Съ ними ты рожденья природою—
Возлелѣй ихъ, сохрани!..

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, какъ важно для правильной постановки воспитанія постоянно тщательно слѣдить за психическимъ развитіемъ тѣхъ, кого воспитываешь, постоянно отдавать себѣ отчетъ въ ихъ индивидуальныхъ особенностяхъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы еще очень далеки отъ правильной постановки наблюденія надъ развитіемъ психической жизни нашихъ учащихся. Хотя, подъ вліяніемъ распространяющихся въ нашей педагогической средѣ психологическихъ знаній, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ уже дѣлаются попытки вести „характеристики“ учащихся, но ихъ постановка въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывается очень неудовлетворительной. Для правильнаго наблюденія душевной жизни ученика прежде всего требуется извѣстная общая психологическая подготовка. Но наши педагоги, за отсутствіемъ особыхъ кафедръ психологіи въ университетахъ и слабымъ развитіемъ у насъ психологическихъ лабораторій, обыкновенно или совсѣмъ не знаютъ ее, или знаютъ въ высшей степени недостаточно. Врачи при школахъ, которые въ дѣлѣ составленія характеристикъ учащихся могли бы, казалось, быть самыми естественными и желательными помощниками педагоговъ, тоже обыкновенно бываютъ лишены психологической подготовки. Такое положеніе дѣла требуетъ немедленныхъ измѣненій. Надо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы повысить уровень психологическихъ знаній педагоговъ и школьныхъ врачей. Только тогда представители школы смогутъ сознательно отнестись къ тому матеріалу, надъ которымъ они оперируютъ. Только тогда наша школа перестанетъ быть ареной случайныхъ „опытовъ“ и малоцѣльныхъ „пробъ“. Только тогда она приобрѣтетъ заслуженное довѣріе общества и прочную благодарность потомства.